

Кристина
Юраш

The illustration depicts a man in a dark blue military uniform with gold epaulettes and a star on his chest, embracing a woman in a white, long-sleeved dress. The woman has a distressed expression and is touching a dark wooden door. In the background, a large, dark, swirling mass of smoke or mist contains a faint, ethereal image of a woman with long, flowing white hair and yellow eyes. The overall atmosphere is dark and mysterious.

БОЛЬШЕ НЕ
ЖЕНА
ДРАКОНА

Кристина Юраш

Больше не жена дракона

«Автор»

2026

Юраш К. Ю.

Больше не жена дракона / К. Ю. Юраш — «Автор», 2026

✂# Вернувшись с войны, генерал дракон попытался меня убить. Но в этот момент на моем запястье вспыхнула ☆☆☆метка истинности☆☆, которая не появлялась пять лет нашего брака. И тогда я поняла: это – не мой муж. Это что-то другое в его теле переступило порог нашего дома♀# Мне никто не верит: Доктор говорит, что это ПТСР. Свекровь считает, что это – мое дурное влияние. Но я знаю правду. Это – не мой муж! Не генерал Альсар Халорн! А еще знаю, пока чудовище владеет его телом, где-то там ждет спасения мой генерал #.? Оценит ли муж мою жертву?? Поймет ли он, что его спасла не любимая мамочка, не любовница, а Я?#####
В КНИГЕ ЕСТЬ: Токсичная свекровь Развод Любовница Обаятельное чудовище Дарк романс Одержимость# В постели с врагом—————

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7. Дракон	19
Глава 8. Дракон	21
Глава 9. Дракон	22
Глава 10. Дракон	24
Глава 11. Дракон	26
Глава 12. Дракон	28
Глава 13. Дракон	30
Глава 14. Дракон	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	37
Глава 18	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кристина Юраш

Больше не жена дракона

ПРОЛОГ

Ещё пять минут назад до этого кошмара, я была счастливой женой.

Я сбегала по мраморной лестнице, платье развевалось за спиной, как знамя победы. Волосы растрепаны, щёки пылают, в горле комок из слёз и смеха: “Он жив, он жив, он жив!”.

Я услышала скрип кареты у ворот, и сердце моё взорвалось птицей, вырвавшейся из клетки и устремилось туда, к нему, к моему генералу.

Он жив. Он вернулся. Он дома!

Но я не ожидала такой встречи!

И сейчас я в ужасе и бессилии висела в воздухе, полупридушенная рукой любимого мужа, перепуганная насмерть, и слезы катились по моим щекам.

За что?!

Вместо объятий, вместо поцелуев рука сжала мою шею так, что она едва не хрустнула. Словно он уже вынес приговор. Теперь осталось привести его в исполнение!

Мраморный пол уплывал вниз, холодный и далёкий.

Мои ноги болтались в пустоте, пальцы судорожно цеплялись за его запястье – не чтобы вырваться. Чтобы вдохнуть. Хоть раз. Хоть глоток.

Воздуха не хватало. Каждый вдох, как роскошь. Каждый выдох, как пытка: “А вдруг он последний!”

– Самое время плакать и молить о пощаде, дорогая, – хрипло, словно голос не принадлежал ему, произнес генерал Альсар Халорн.

Тот самый, чьё имя заставляло дрожать врагов на поле боя, а меня – трепетать в темноте спальни.

И его улыбка была страшнее улыбки садиста, который наблюдал за мучениями жертвы.

А в глазах ни капли тепла. Ни искорки. Только холодный лед ненависти.

И под этим льдом – тень чего-то умершего ещё до того, как он переступил порог этого дома.

“Леди Халорн! Опять его мать взялась за старое! – мелькнуло в сознании, пока тьма ползла к краям зрения. Опять её сплетни. Опять её яд в его ушах. Что она ему нашептала? Что я изменяла, пока он был на войне? С кем? С дворецким? С лакеем?”.

Да, она, конечно, ненавидела меня до всей глубины материнской души, мечтая о невестке “под стать” генералу – победителю. И даже подобрала несколько кандидатур, о чем объявила мне однажды с видом: “Недолго тебе осталось носить нашу фамилию!”

Разум хватался за любую соломинку – лишь бы не признать: это он. Это мой муж. Тот, кого я так ждала, тот о ком переживала, чьи письма превращали день в праздник.

И теперь он хочет меня убить.

– Помогите... – прохрипела я сквозь сжатые пальцы.

Я услышала звук падающего подноса и скосила глаза в сторону двери в столовую. Хрусталь разлетелся вдребезги. Вино растеклось по мрамору алой кровью.

Дворецкий Норберт замер у двери в ужасе, глядя на эту картину.

– Господин! – вырвалось у старика дрожащим и осипшим от ужаса голосом. – За что вы так с госпожой?!

– Вон отсюда! – рык дракона прокатился по холлу, отражаясь многократным эхом от роскоши стен.

Не голос. Землетрясение. Вибрация в костях. В зубах. В душе.

Норберт вздрогнул – но не ушёл. Стоял, как вкопанный, глядя на меня. На мои ноги, болтающиеся в воздухе. На мои пальцы, цепляющиеся за руку убийцы.

На мои последние мгновения жизни.

– Господин! Прошу вас... Отпустите госпожу...

– Молчать!

Слово ударило как кнут. Дворецкий вздрогнул так, словно удар пришелся по нему.

– За что ты так со мной? – сквозь слезы прохрипела я, чувствуя, как пальцы на горле сжимаются сильнее.

Тьма поползла ближе. По краям зрения – чёрные пятна, как дыры в реальности.

“Господи... Что с ним? Я же ни в чём не виновата... Я ждала. Я верила. Я писала ему каждые три дня...”

Мысли рвались в клочья. Как письма, которые он, наверное, так и не прочитал.

Что случилось? Что сделало его монстром?

У меня уже не было сил сопротивляться. Только слезы текли по щекам. Слезы боли, унижения и ужаса.

Руки повисли. Голова запрокинулась. В ушах – гул. В горле – огонь.

Вот и всё. Я умру. Здесь. В его руках. От его пальцев. От его ненависти. И даже не зная, за что!

– Умоляй о пощаде, – прошепел шёпот у самой щеки. Зловещий. Сладкий, как яд. – Плачь. Кричи. Умоляй...

– Прошу... – едва слышно выдохнула я из последних сил.

Мое последнее слово. Мой последний вздох.

Внезапно его рука дрогнула и разжалась.

Когда его пальцы разжались – я увидела. Мелькнувшую между пальцами серебристую сверкающую нить...

Магия.

Я рухнула на мрамор, больно ударившись об пол. Я хватала ртом воздух – жадно, судорожно, как утопающая. Кашляла. Плакала. Слезы смешивались с потом на щеках – солёные, горькие, как правда.

Норберт бросился ко мне: “Госпожа, госпожа!”

Я все еще смотрела на его руку.

Альсар ненавидел магию и не пользовался ею. Говорил: «Дракону магия не нужна». Я моргнула – и нить исчезла. Может, отблеск люстры? Может, страх сыграл со мной злую шутку? Я не знала. Но пальцы его всё ещё дрожали – и это было правдой, которую не объяснить отблеском

Старые руки дворецкого попытались меня поднять, но я была слишком слаба, слишком напугана, чтобы встать на дрожащие ноги.

Старик присел и прижал меня к груди – и я почувствовала, как дрожат его плечи: “Все хорошо, госпожа? Вы целы?”

Альсар стоял надо мной. Высокий, широкоплечий, в темном мундире, пропахшим смертью. Его лицо – знакомое до каждой черты: шрам над бровью, скулы, о которые я терлась щекой в темноте. Но в темных зрачках не было нашего взгляда. Вертикальные зрачки – как у дракона на охоте – смотрели на меня без тепла. Без боли. С холодным расчётом убийцы.

Это были его глаза. Но не его взгляд.

Он смотрел на свои дрожащие пальцы – и вдруг замер.

На его запястье, под манжетой мундира, вспыхнула золотая метка. Та самая, что пять лет не вспыхивала, словно не желая признать нашу связь.

Его глаза расширились. Не от страха. От ужаса.

Внутреннюю сторону руки обожгло. Я инстинктивно прижала ее к груди, а когда отвела, то тоже увидела на своем запястье золотую метку истинности.

Метка? Неужели? Почему сейчас? Почему именно сейчас, когда он чуть не убил меня?

За пять лет брака она так и не вспыхнула, а сейчас горела, пульсировала под кожей, словно ожег любви.

– Ты ему безразлична, – странным голосом, словно был поражен этим, прошептал Альсар.

В его голосе прозвучало удивление.

Он произнес это так тихо, что я не знала – кому он это сказал.

Мне? Дворецкому?

Или кому-то, кого видел только он?

Он посмотрел на обручальное кольцо на своей руке, а потом сорвал его и швырнул на пол. Послышался звон. Я даже не заметила, куда оно упало.

Альсар твердым шагом направился в гостинную.

Не оглянувшись.

Не остановившись.

Просто исчез за дверью.

Норберт крепко держал меня. Его старые руки дрожали от волнения.

– Госпожа... – прошептал дворецкий, глядя на дверь, за которой исчез генерал. – Что с ним сделала эта война?

«Мой муж так бы не поступил...» – шепнула душа.

Я подняла глаза на Норберта.

В его взгляде я прочла то же, что чувствовала сама.

Я все еще стояла на коленях на мраморе – том самом, где пять минут назад мечтала броситься ему в объятия.

Где пять минут назад верила в любовь. Где пять минут назад ещё была женой.

Теперь я была просто дрожащей, испуганной женщиной. С меткой на запястье – золотой, пульсирующей, живой и мыслью, которая сжалась внутри:

– Это не мой муж...

И впервые за пять лет брака я испугалась.

Глава 1

Норберт подхватил меня под локоть – старческие пальцы впились в мою кожу с неожиданной силой. Его запах – лёгкий парфюм, запах булочек и чистого белья из прачечной – обволок меня, как последний якорь в бурном море.

Я цеплялась за него, впиваясь в ткань его камзола, будто он мог удержать меня от падения в ту чёрную, дрожащую от страха бездну, что раскрылась в моей груди.

– Осторожней, госпожа... – прошептал он, и в его голосе дрожала не только забота. Страх. Страх за меня. За то, что он только что видел.

Каждый шаг по мраморной лестнице отдавался в моих коленях предательской дрожью.

Как будто я поднималась не в свои покои, а на эшафот. На площадку второго этажа я вышла, задыхаясь. И замерла, глядя вниз.

Дверь гостиной была приоткрыта на ладонь. Там, за ней, он. Альсар. Мой муж. Тот, чьё имя я шептала в темноте, чьи письма прятала под подушкой, о чью руку терлась, жмурясь от счастья.

Но это был не он. Не тот, кого я помню.

“Это не он...” – беззвучно прошептала я, а внутри всё задрожало.

Я чувствовала это кожей. Костями. Душой. Как слепая чувствует приближение грозы – по давлению в висках, по запаху озона в воздухе.

Его присутствие в этом доме теперь было чужим. Опасным. Как нож, спрятанный за спину.

– Госпожа? – Норберт мягко потянул меня вперёд.

Я не сопротивлялась.

Мои ноги сами несли меня прочь от той двери. Прочь от него.

В безопасность.

Моя спальня встретила меня запахом чайной розы – тем самым, что я распыляла каждое утро, пока ждала его писем. На туалетном столике лежала стопка раскрытых конвертов, перевязанная розовой лентой.

Те самые письма.

Час назад я перечитывала их в кресле у окна, улыбаясь глупым словам: «Твоя улыбка – мой рассвет», «Жду не дождусь, чтобы снова почувствовать твои пальцы на моей шее».

Теперь эти слова казались насмешкой. Ложью. Или – хуже – памятью о человеке, которого больше не существовало.

Норберт усадил меня в кресло.

Я обхватила себя руками и замерла. Тряска началась не сразу. Сначала – лёгкая дрожь в пальцах. Потом – в коленях. А потом всё тело затряслось мелкой, непрерывной дрожью, которую я никак не могла остановить.

Я прикусила губу до крови – чтобы не закричать. Чтобы не закричать запоздалым криком ужаса.

“Маменька”, – мелькнуло в сознании. Леди Халорн. Она что-то сказала. Нашептала ему. Снова сплела паутину из лжи!

Но тут же разум отверг эту мысль. Нет. Если бы это была она – был бы скандал. Театр. Она бы ворвалась сюда сама, с криками: «Я же говорила! Эта девица – не пара для генерала!» Альсар бы выслушал. Возможно, даже прикрикнул на меня. Но потом – потом он бы взял меня за руку и сказал: «Забудь. Мать стареет. Ей нужен повод для драмы». Он бы принялся оправдывать ее, как он делал всегда. “Ты же сама понимаешь, я не могу выставить ее за дверь. Это моя мама... Мама, понимаешь?”.

Он бы объяснил.

Он бы не смотрел на меня глазами убийцы. И магия... Откуда у него магия? А может, это не магия? Может, мне показалось?

Я застыла, глядя на привычный узор ковра, а у меня слезы побежали по щекам. Впервые за все время пребывания в этом мире со мной случилось такое!

Я попала в этот мир не с грохотом и вспышкой света. Тихо. Незаметно. Как сон, который становится явью.

Меня звали Кира. Я лежала в больнице. Капельница в вене, боль в костях и странное спокойствие. Я уже знала: это конец. И не боялась. Просто жалела – о непрожитой жизни, о произнесённых словах, о том, что никогда не узнаю, каково это – быть любимой до боли.

Последнее, что я видела – белый потолок палаты и капли, падающие в прозрачной трубке. Последнее, что слышала – монотонный писк кардиомонитора.

А потом – холод. И голоса.

«Она дышит! Слава богам, она дышит!»

Я открыла глаза – и увидела сводчатый потолок с позолоченной лепниной. На мне было платье из шёлка цвета весеннего неба. А руки не мои. Тонкие, белые, с изящными пальцами. На запястье – тонкая золотая цепочка с кулоном в форме драконьего крыла.

«Она так часто падает в обморок, что мне кажется, она какая-то болезненная! Я бы на месте моего сына подумала бы хорошенько!» – надменно произнесла женщина у изголовья. Её лицо было прекрасным – и холодным, как мраморная статуя.

Это была леди Халорн. Свекровь.

Она не обняла меня. Не заплакала от облегчения. Она лишь кивнула – коротко, как начальница на докладе подчинённого:

«Хорошо».

И ушла.

Так я поняла: в этом мире я – не дочь. Не сестра. Не любимая. Я – жена будущего генерала. Инструмент. Украшение. И леди Халорн никогда не скрывала, что считает меня недостойной её сына.

«Ты прекрасно знаешь, что я не одобрила этот брак, – говорила она при каждой встрече, поджимая губы, словно выбор сына оскорбил ее до глубины души. – Столько достойных невест, а он выбрал именно тебя!».

Но Альсар... Альсар смотрел на меня иначе. Даже когда он уезжал на войну, его последние слова были: «Жди меня. Только меня. И я вернусь – к тебе».

Я верила ему.

Я верила до этого дня.

Тряска усилилась. Я сжала колени, впиваясь ногтями в ткань платья. На запястье пульсировала метка – золотая, живая, предательская. Она горела там, где еще утром была лишь бледная полоска кожи.

Почему сейчас? Почему именно сейчас, когда он чуть не убил меня?

Я задохнулась.

– Это не мой муж... – прошептала я в пустоту. – Не мой муж...

Глава 2

Слова повисли в воздухе – хрупкие, неуверенные и такие... отчаянные. Я сама испугалась их. Потому что, произнеся их вслух, я уже не могла вернуться к иллюзии, что у нас всё хорошо.

В этот момент дверь тихо открылась. Норберт вошёл с подносом в руках. На нём – фарфоровая чашка, от которой вилась тонкая струйка пара. Рядом – блюдо с мёдом и ломтики лимона.

– Скажи, – я вскинула глаза на старого дворецкого, и в них, наверное, читалась та же безумная надежда, что и в моём голосе. – Скажи, что это не мой муж!

Мой голос предательски дрогнул, словно срываясь в икоту и шёпот отчаяния.

Норберт замер. Его старые глаза – мутные от прожитых лет, уставшие, но внимательные – смотрели на меня с болью и тревогой.

– Вы очень бледная, госпожа, – тихо сказал он. – Я переживаю за вас. Уже отправил слугу к доктору Гревиллу. Нужно, чтобы он вас осмотрел...

Дворецкий осторожно поставил поднос на столик. И замялся. Потом достал из кармана что-то маленькое, блестящее.

– Мадам... Кажется, это потеряли в холле. Горничная нашла и принесла мне.

На его ладони лежало обручальное кольцо Альсара.

Обручальное. Золотое. С крупным, играющим на свету бриллиантом.

Я смотрела на него – и не узнавала. Мой взгляд упал на мою руку, на которой было такое же кольцо, только поменьше.

Столько раз я целовала этот бриллиант перед сном. Столько раз прижимала к губам, шепча: «Вернись ко мне. Вернись живым».

А сейчас брошенное в холле обручальное кольцо мужа внушало мне ужас.

Не потому что оно упало. Не потому что его нашла горничная.

А потому что я вдруг поняла: тот, кто носил это кольцо на пальце пять лет – тот мужчина, что целовал меня в темноте – исчез.

И на его месте стоял чужой.

С чужой улыбкой.

С чужими глазами.

С руками убийцы, что сжимали мою шею.

Я не взяла кольцо. Оно осталось лежать на ладони Норберта. А он не знал, что с ним делать. Я даже не знаю, что случилось... Почему он так поступил!

Я смотрела на дверь и ждала.

Ждала доктора.

Ждала объяснений.

Ждала чуда.

Ждала сил, которые позволят мне собрать вещи и уйти из этого дома! Ведь после такого я не знаю, как жить с ним дальше!

В глубине души я понимала, что чуда не будет.

И человек, который вернулся с войны, не может больше называться моим мужем.

Глава 3

Кружка дрожала в моих руках – не от слабости. От холода, который расплзся по венам еще в холле и теперь не желал уходить.

Фарфор был тёплым, почти горячим, но мои пальцы оставались ледяными. Я смотрела на пар, выходящий над поверхностью, и думала: ещё пять минут назад я варила этот чай для него. Для своего мужа. Чтобы он вернулся с дороги и почувствовал, что он дома, что его ждали, что его любят...

– Я попробую поговорить с господином генералом, – тихо произнёс Норберт.

Я вздрогнула так, будто он воткнул мне иглу между рёбер.

– Нет! – вырвалось хрипло и испуганно. – Не надо! Не вздумайте!

Старик замер. Его брови взметнулись вверх – удивление, смешанное с тревогой.

– Госпожа...

– Вы что? Не видите, что он сошёл с ума! – прошептала я, и слова обожгли губы. – Или... или это не он... А вдруг он обидит вас? Вы же сами всё видели! Он чуть меня не убил! И даже не сказал за что! Что он сделает со слугой, который посмеет его упрекнуть?

Норберт молчал. Его взгляд скользнул по кольцу в его ладони – тому самому, брошенному в холле. Бриллиант поймал свет от окна и вспыхнул холодным огнём. Словно насмеялся над нами.

– Я служил этому дому тридцать два года, – наконец сказал дворецкий. – Видел, как леди Халорн вышвыривала слуг за то, что те дышали не в такт её настроению. Видел, как юный Альсар приходил домой с разбитым лицом после дуэли за честь девушки, которую даже не знал. Видел многое. Но никогда – никогда – не видел, чтобы он поднял руку на женщину.

Он сжал кольцо в кулаке.

– Я вернусь, госпожа. С доктором.

И ушёл. Тихо. Без скрипа двери. Как настоящий дворецкий. Просто растворился в воздухе, оставив после себя тревогу.

Я поднесла кружку к губам.

О, чай. Мой спаситель. В том мире, где я умирала в больничной палате, чай был последним, что я пила – горький, тёплый, с мёдом, который мама подливала мне в кружку, пряча слёзы за улыбкой. Здесь, в этом мире, чай стал моим якорем. Каждое утро – чашка с жасмином. Каждый вечер – с мятой. В дождь – с корицей. В солнце – с лимоном. Чай был тем, что я принесла в душе из своего мира в этот, чужой. Моё маленькое волшебство, спрятанное в привычке.

Но сейчас чай не спасал.

Зубы застучали об ободок кружки – тихо, как дождь по крыше. Я сделала глоток. Горячий. Горький. Мёд не спасал. Ничто не спасало.

Это не мой муж...

Слова вертелись в голове, как осколки стекла. Каждый поворот мысли ранил меня еще сильнее. Сейчас мне казалось, что глаза меня не обманули. И я действительно видела магию... Магию в руках того, кто ею не пользовался никогда.

Если это магия, то это явно не мой муж. Это... это... кто-то другой!

За дверью послышались шаги. Два голоса. Один принадлежал Норберту, тихий, почти-тительный. Второй – низкий, размеренный, с лёгким придыханием старой, усталой мудрости.

– Она здесь...

Стук. Не грубый. Вежливый. Как будто за дверью стоял не врач, пришедший к истеричной женщине, а гость, просящий позволения войти в святилище.

Я не ответила, но дверь открылась.

Мужчина в тёмно-синем камзоле с серебряной вышивкой на воротнике вошёл, держа в руках кожаную сумку. Его волосы были белыми, как первый снег на вершинах Драконьих гор, но лицо – гладким, без глубоких морщин.

Только тонкие линии у глаз – следы лет, проведённых за чтением книг и осмотром больных. На пальце – перстень с лазуритом, мерцающий внутренним светом. Маг. Не простой лекарь – маг-целитель. Один из лучших в столице.

– Мадам Дессалина? – спросил он, и голос его был мягче, чем я ожидала. Не снисходительный. Не жалеющий. Просто... спокойный.

Я кивнула, потому что меня трепало и до сих пор я не могла выдавить ни слова.

Он подошёл ближе. Его запах – травы, воск, старая бумага – обволок меня, как одеяло. Он опустился на колени перед креслом (не сел в другое кресло – опустился, чтобы быть на моём уровне) и протянул руку к моему запястью.

– Позвольте осмотреть...

– Нет, – перебила я. Голос сорвался. – Осмотрите моего мужа. Его нужно осмотреть. Он... он не...

Я запнулась. Слова сплелись в горле, как узел из колючей проволоки. Я понимала, что со стороны это звучало, как бред сумасшедшей.

– Я не знаю, как вам это сказать... – прошептала я, глядя в пол. На узор ковра – драконов, выющихся в танце над волнами. Тот самый узор, который Альсар выбирал для нашей спальни. «Драконы не танцуют, – говорил он тогда, улыбаясь. – Но для тебя – станцуют».

– Он вернулся... и... – я сглотнула и сбивчиво стала рассказывать. – И схватил меня за горло. Без объяснений! Без скандала! Просто схватил! Сказал, что я должна молить о пощаде. Улыбался... такой улыбкой... будто смотрел на труп. А потом... потом его рука дрогнула. И он отпустил меня. На моём запястье вспыхнула метка. Впервые за пять лет. И он произнес... Да еще и таким странным голосом, словно разговаривал не со мной... «Ты ему безразлична». Кому? Мне? Ему самому? Я не поняла, с кем он разговаривал... Потом он швырнул кольцо на пол... И ушёл в гостинную...

Я замолчала. В горле стоял ком – не из слёз. Из льда. Льда, который я сама вырастила за эти пять минут между счастьем и ужасом.

Доктор молчал. Его пальцы легли на моё плечо – не для осмотра. Для опоры.

– Дорогая моя, – произнёс он тихо. – Я вас понимаю.

Глава 4

И в этих словах не было насмешки. Не было снисхождения. Было... усталое сочувствие.

– Война меняет людей, – продолжил он. – Не тело. Душу. Там, на поле боя, человек живёт в постоянном страхе. Каждый шаг – риск. Каждый шорох – угроза. Его тело привыкает к этому. Его разум – тоже. А потом... потом он возвращается домой. В тишину. В уют дома. В объятия жены. И его тело не понимает: война кончилась. Оно всё ещё ждёт удара. Оно всё ещё видит врага в каждом движении.

Он помолчал. Его глаза, голубые, яркие, смотрели на меня без осуждения.

– Вы уже не первый случай, мадам. Видел полковников, которые возвращались с войны и били жён за то, что те дрогнули чайной ложкой и просыпали сахар. Видел майоров, которые прятались под кроватью от звука хлопнувшей двери. Видел сержантов, которые плакали по ночам, обнимая подушку, как дети. Это не безумие. Это... рана. Глубокая. Невидимая. Но настоящая.

– Это не мой муж, – упрямо прошептала я. Словно сознание само цеплялось за эту мысль.

– Да, – кивнул доктор и продолжил мягким голосом. – Это и ваш муж, и не ваш муж. Он там, внутри. Но пока не может выбраться. Ему нужно время. Я уверен – сегодня вечером он уже придёт к вам. Попросит прощения. Объяснится...

– Он столько раз был на войне! – вырвалось у меня. – Для него это как работа! Он уезжал, возвращался, обнимал меня... Никогда такого не было! Никогда!

Доктор вздохнул. Достал из сумки флакон с прозрачной жидкостью.

– Вы никогда не знаете, что ему пришлось пережить... Пока он сам не расскажет...

Он протянул мне лекарство.

– Выпейте. Это поможет успокоиться.

Я отстранилась, словно мне предлагают барбариску вместо зарплаты.

– Я не сумасшедшая!

– Никто так не думает, – мягко возразил доктор. – Но вам нужно собраться с силами. Потому что я собираюсь поговорить с ним. Сейчас. И мне нужна ваша помощь. Чтобы помочь ему, я должен с ним поговорить... Я должен... оценить его состояние на данный момент.

– Моя? – прошептала я, а кружка в руках вздрогнула вместе со мной.

– Вы знаете его лучше всех. Вы заметите то, что упущу я. Поэтому пойдёте со мной. Не бойтесь – я буду рядом. Я не просто доктор. Я маг. И я разговаривал с теми, кто был куда опаснее вашего мужа. Уверяю вас, я найду слова, чтобы успокоить его...

Доктор встал. Протянул руку.

А я смотрела на эту руку – старую, с выпирающими венами, с перстнем, мерцающим лазуритом – и думала:

“Он не верит мне. Он думает, что я – истеричка. Что я не могу принять, что мой муж изменился на войне...”

Но что, если он прав?

Что, если это действительно Альсар? Просто сломанный. Израненный. Потерявший себя среди теней Арузы?

Я подняла глаза на доктора. На его спокойное лицо. На его уверенные движения.

И впервые я почувствовала не страх за его жизнь.

А гнев.

Гнев на войну, которая сломала моего мужа.

Гнев на мать, которая, возможно, нашептала ему какую-то гнусную ложь. Я уверена, что он первым делом навел на неё. Он всегда так делал.

Гнев на себя – за то, что я сижу здесь, дрожа над остывшим чаем, вместо того чтобы встать и узнать правду. Или собрать вещи и уйти. Подать на развод!

Я поставила кружку на стол. Чай расплескался по блюдцу – жёлтое пятно на белом фарфоре.

– Честно? Я сейчас хочу развестись, – произнесла я дрогнувшим голосом. Словно что-то внутри сломалось.

– Я понимаю, – произнес доктор очень авторитетным голосом. Но тут же его голос стал мягким: – Вы сейчас думаете уйти от мужа... И я вас не осуждаю. Многие выбирают этот путь... Но подумайте сами... Вы бросите его в таком... уязвимом состоянии... Многие из мужей, чьи жены подали на развод, после этого запили... И... Я вас не отговариваю, я понимаю вас. Но сейчас ему вы очень нужны... Просто поверьте...

Его взгляд, его голос, его вздох. Я чувствовала себя слегка пристыженной за мои мысли. Может, правда? Это сказывается сильный стресс? И я собираюсь бросить его уязвимым?

– Раньше ведь он так себя не вёл? – спросил доктор.

– Нет. Ни разу. Хорошо, – согласилась я, растирая лицо руками. – Пойдемте.

Но в глубине души билась странная и почти сумасшедшая мысль:

“Это не он. Это не мой муж!”

И я докажу это – даже если для этого придётся заглянуть в глаза чудовищу, прячущемуся за лицом любимого человека.

Глава 5

Коридор тянулся, как петля на шее.

Каждый шаг эхом отдавался в висках: он не мой, он не мой, он не мой.

Доктор шёл рядом. Тёмно-синий камзол с серебряным знаком целителя в виде сияющей руки. Старый саквояж, который скрипел кожей.

Я сжимала край платья так, что пальцы побелели. Холод поднимался от коленей, расплзался по бёдрам, обвивал талию ледяной змеей.

– Дверь приоткрыта, – тихо сказал доктор. – Видите? Он ждёт.

Я видела. Щель в двери – шириной с ладонь – излучала тёплый свет камина. Оттуда доносился треск поленьев, запах можжевельника и воска. Уют. Домашний, почти родной уют, словно сама комната хотела меня успокоить.

– Бойтесь? – спросил доктор, не осуждая.

Я кивнула. Не смогла соврать. Хотя по мне и так было видно, что я не в лучшей форме.

– Всё будет хорошо, – его голос опустился, стал плотным, как бархат. – Сейчас мы убедимся, что это ваш муж. Просто раненый. Сломленный. Но ваш.

Он постучался, а потом смело толкнул дверь.

Треск дров стал громче. Огонь в камине плясал, отбрасывая на стены тени, похожие на крылья дракона. И в центре этой картины – он.

Альсар.

Сидел в кресле у огня, откинувшись на спинку, широко расставив ноги – так, будто весь мир принадлежал ему по праву рождения. Мундир он снял, осталась только белая рубашка с расстёгнутым воротом. Огонь играл на его скулах, подчёркивая каждую линию лица: шрам над бровью, изгиб губ, тень на подбородке. Красивый. До боли знакомый. И какой-то до боли... чужой.

Пальцы его лежали на подлокотнике – расслабленные, но готовые сжаться в кулак в любую секунду.

Я вспомнила их ощущение на своем горле, и мне вдруг стало не по себе. Тут же захотелось замедлить шаг и не подходить к нему близко.

Альсар не смотрел на доктора. Он смотрел на меня. И в этом взгляде не было тепла воссоединения. Был голод. Тихий, первобытный, как у зверя, который часами выслеживал добычу и наконец загнал её в угол.

Я опустилась в кресло напротив. Ткань обивки холодила ладони. Сердце колотилось где-то в горле – не от страха. От чего-то чужого в знакомых чертах лица.

– Господин генерал, – произнёс доктор мягко, почти почтительно. – Рад, что вы вернулись с победой.

Альсар кивнул. Не улыбнулся. Просто кивнул – коротко, будто отмахнулся от надоедливой мухи.

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор, усаживаясь на край стула.

– Сойдёт, – мрачно усмехнулся генерал.

И в этой усмешке не было прежней лёгкости. Та усмешка Альсара всегда начиналась с глаз – с той искорки, что зажигалась, когда он смотрел на меня. Эта начиналась с губ. Холодная. Расчётливая. Дерзкая.

Словно он сейчас хозяин положения.

Генерал откинулся на спинку кресла, положив локти на подлокотники. Пальцы на сплелись на груди – не так, как раньше. Раньше он сцеплял их в замок, большой палец левой руки всегда ложился поверх правого. Сейчас – наоборот. Мелочь. Но мелочи кричали громче слов. Я еще тогда заметила.

Когда-то в детстве мы проверяли «правша или левша». И теперь я всегда невольно обращаю на это внимание.

– Можно присяду? – спросил доктор.

Кивок. Молчаливый. Разрешающий. Властный.

Доктор поставил саквояж на пол.

Я чувствовала на себе чужой взгляд. Он скользил по мне как лезвие ножа в руках убийцы. Я чувствовала его кожей: на шее, на ключицах, между грудей. Он не смотрел – он вбирал. Всасывал меня в себя глазами, будто пробуя на вкус.

Внимательный, изучающий. Я подняла взгляд, чувствуя, как глаза мужа властно приковывают мой взгляд к себе.

– Хотел бы с вами поговорить немного, – начал доктор добродушным голосом.

Но генерал не слушал. Его зрачки – тёмные, почти чёрные в свете камина – не отрывались от меня. Я сглотнула. Тревога сжала горло.

– Вы помните, как зовут вашу супругу? – мягко спросил доктор.

В дверь вошёл Норберт с подносом. Три чашки чая и булочки. Пар поднимался над фарфором белыми призраками.

– Конечно, – ответил Альсар, не отводя взгляда от меня. – Дессалина. Ей двадцать четыре года. Любит жёлтые розы – те, что цветут в начале осени, когда лепестки уже тронуты инеем. Не любит массивные серьги – говорит, они тянут мочки до боли. Предпочитает, чтобы я дарил ей книги. Особенно те, где героиня сбегает от судьбы. Пьёт чай с одной долькой лимона, ложкой мёда и двумя ложками сахара. Чай пьёт постоянно...

Моё дыхание сбилось.

Он знал. Знал всё. Каждую деталь. Каждую глупую привычку.

Может, я ошибаюсь? Может, это он – просто сломленный, израненный, но он?

Альсар плавно сменил позу – подался вперёд, локти на коленях, подбородок на сцепленных пальцах. Движение было плавным, хищным и каким-то грациозным.

Альсар обычно был резким. Резкий взгляд, резкий поворот головы. Он резко вставал с кресла, резко вставал с кровати...

Я сглотнула, пытаясь делать вид, что всё хорошо.

А может, это я схожу с ума?

Глава 6

Может, я слегка разнервничалась... Ну как слегка? Не каждый день тебя обнимают за шею в знак приветствия после долгой разлуки.

– А к чему эти вопросы, доктор Гревилл? – его голос опустился, стал гуще.

– Ваша супруга... Она очень обеспокоена, – мягко ответил доктор. И тут же многозначительно добавил: – После того, что случилось в холле...

Генерал снова посмотрел на меня. Долго. Пронзительно. В его глазах мелькнуло подозрение.

Повисла тишина.

– Да. Было дело, – наконец произнёс Альсар после долгой паузы. В его голосе послышались нотки усталости и раскаяния. – Но вы сами понимаете. Я только вернулся с войны. Там... такое творилось. Крики. Кровь. Огонь. Иногда мне кажется, я до сих пор слышу этот грохот в ушах. Трудно перестроиться. Вернуться в мир, где чай пьют с мёдом, где огонь не убивает, а согревает...

– Да, вы правы, – кивнул доктор, и в его глазах мелькнуло облегчение. – Война ломает души. Но дом лечит.

Альсар взял чашку. Поднёс к губам. Не добавил сахар. Ни ложки. Ни крошки.

Раньше он сыпал его щедрой рукой – три, а то и четыре ложки. «Сладость заглушает горечь воспоминаний», – говорил он, улыбаясь сквозь усталость после долгой поездки.

Сейчас же он пил чёрный, горький, без единой крупинки белого песка.

И вот что странно. Он держит кружку левой рукой, а не правой... Хотя он правша...

Мои пальцы впились в подлокотник кресла.

Паника затопила разум.

Это не он. Это не мой Альсар. Мой Альсар не пил чай без сахара. Мой Альсар не сидел с расставленными ногами, будто отвоёвывая пространство. Мой Альсар правша, а не левша!

– Прости меня, Десси, – вздохнул он вдруг. Голос смягчился, стал похож на прежний – тот, что шептал мне на ухо в ночи. – Я не хотел. Просто... грохот в ушах. Тени за спиной. Мне нужно время. Эта война... она забрала у меня слишком много.

Я кивнула. Автоматически. Губы шевельнулись:

– Конечно. Я всё понимаю.

Голос мой был мягким, тихим, почти шепчущим. Я опустила глаза.

Но внутри всё кричало: «Врёшь! Врёшь! Врёшь!»

Боже, это не он! Но если я скажу это сейчас доктору, он точно посчитает меня сумасшедшей! Что же делать? Почему я не могу быстро придумать, что делать!

Я старалась дышать глубоко и спокойно, но не получалось.

Доктор улыбнулся, отставил кружку, а затем встал.

– Вот и славно, – произнёс он, направляясь к двери. – Больше не пугайте жену, господин генерал. Ей и так нелегко. Она очень переживала за вас... Отдохните, господин генерал. Завтра я зайду снова.

Он вышел. Тихо. Спокойно. Убеждённый, что всё в порядке.

«Че-е-ерт!» – протянула я, понимая, что осталась с Альсаром один на один в комнате.

Тишина накрыла нас, как одеяло. Только треск дров да моё дыхание – прерывистое, испуганное.

«Так, без паники. Просто встань, как ни в чем не бывало!» – скомандовала я себе. – «Просто встань, спокойненько... И иди к двери...»

Я поставила чашку на стол. Встала. Ноги дрожали, но я заставила их нести меня к двери. К спасению. К Норберту. К кому угодно, только не сюда, в эту комнату с этим взглядом, что прожигал мне спину.

Рука потянулась к ручке.

И вдруг – тень.

Тёмная, широкоплечая, легла на дверное полотно, перекрывая свет из коридора. Потом – рука. Мужская, с сильными пальцами, впилась в дерево над моей головой. Дверь закрылась с тихим щелчком замка.

Я замерла. Воздух застыл в лёгких.

– Ну что, моя наблюдательная... жена, – прошелестел тот самый голос. Тот самый, что шептал мне в холле: «Умоляй о пощаде».

Сейчас он казался мне темным, сладким, отравленным.

– Вижу, тебя провести оказалось непросто.

Его дыхание коснулось моей шеи. Горячее. Пугающее.

– Ты знаешь, – его пальцы скользнули по моему плечу, медленно, почти нежно, – я немного недооценил женскую наблюдательность...

Он наклонился. Губы почти коснулись моего уха.

– Думаешь, я не заметил, как ты смотришь, запоминаешь каждое мое движение... Ты очень наблюдательна, Десси...

Его рука легла мне на талию. Не хватая. Обхватывая. Как клещи.

Я не дышала. Не двигалась. Только смотрела вперёд – на танцующее пламя в камине. И думала: «Это не мой муж. Это не мой муж. Это не мой муж».

Но он знает моё имя. Мои тайны. Мои слабости.

– И поэтому ты для меня очень опасна...

Глава 7. Дракон

Лестница. Мраморная, холодная, как надгробие.

И по ней сбегает незнакомая женщина.

Красавица...

Волосы – растрёпанный шёлк, щёки пылают алым, будто внутри неё горит маленькое солнце. Платье цвета крови взметнулось за спиной. Она верила, что он вернулся. Он. Её Альсар. Её муж.

А я стоял внизу, в теле чужого мужчины, и смотрел, как радость расцветает на её лице. Эти искорки в глазах – я их знаю. Видел их однажды. На лице Мерайи.

– Мерайа... – сглотнул я. Горло сдавило так, будто кто-то уже сжимал его изнутри.

А у тебя очень красивая жена, генерал.

Она несла мне своё счастье в раскрытых для объятий руках. Не подозревая, что внизу ее ждет не муж, а палач. Что каждая ступенька вниз – не к объятиям, а к пропасти.

Я смотрел, как она приближается, и отмечал детали, которые запомнятся навсегда: изгиб шеи, где пульс бился в такт её восторгу; тонкая золотая цепочка на запястье, колыхающаяся в такт шагам; маленькие изящные серьги, дрожь в коленях – не от страха, а от нетерпения.

В уголке сознания, за решёткой магии, шевельнулся он. Мой пленник. Мой трофей. Генерал Альсар Халорн, победитель Арузы, герой империи.

Связанный собственными нервами. Загнанный в угол собственного сознания. Его сердце билось под моей кожей. Его лёгкие вдыхали запах её духов – чайной розы, сладкой и терпкой, как прощание. Но это тело больше не принадлежало ему. Оно принадлежало мне.

– Как ты думаешь, она будет кричать, когда я её убью? – спросил я у своего пленника.

Тишина в ответ. Гордый молчаливый ублюдок.

И почувствовал, как внутри что-то содрогнулось. Не раскаяние за то, что я собираюсь сделать.

Предвкушение долгожданной мести. Горькое, как полынь, но опьяняющее лучше любого вина.

Она приблизилась. Ближе. Ещё ближе. Ветер с улицы трепал край её юбки. Запах чайной розы ударил в ноздри – сладкий, домашний, проклятый. Глаза сияли – не драгоценностями, а чем-то живым, хрупким, настоящим. Она смотрела на меня – на него – и в этом взгляде не было ни тени сомнения. Только радость. Только вера. Только любовь, готовая разбиться о мои костяшки.

– Чего молчишь, генерал? – насмешливо прошелестел я в тишине его разума. – Не хочешь попрощаться с любимой женой?

Её губы шевельнулись – готовые произнести имя. Альсар. Это имя должно было стать её последним словом.

Мои пальцы обвили её шею – не сразу, не грубо. Сначала – прикосновение. Почти ласка.

“Красавица!”, – подумал я, впиваясь в нее глазами. – “Жаль, что придется убить такую красоту...”

Потом – давление. Медленное, нарастающее, как прилив в море.

Я давил не резко. Медленно. С наслаждением. Как будто я перебирал струны арфы, настроенной на боль. Её кожа – тёплая, пульсирующая жизнью под моими подушечками. Я чувствовал каждый удар её сердца – тук-тук-тук. И вот он стал быстрее...

Её глаза распахнулись. Искорки счастья погасли, сменившись испугом – чистым, первобытным. Она не понимала. Не верила. Её пальцы впились в мои запястья – не чтобы оттолкнуть. Чтобы удержаться. Чтобы вдохнуть ещё раз. Хоть раз.

– У тебя есть пара секунд, чтобы запомнить её живой, – прошептал я генералу. – Смотри, генерал. Внимательно смотри. Как ты своими руками убиваешь свою любимую жену...

Сладость мести расцвела во мне – тёплая, густая, как мёд с ядом. Вот она. Та самая. Мечь за Мерайю. За её смех, оборвавшийся навсегда. За её тело, лежащее на полу.

– Но она не виновата, – шевельнулось что-то внутри. Слабый, дребезжащий голос совести.

А разве Мерайя была виновата?

Глава 8. Дракон

Пальцы сжались сильнее. Её лицо побагровело. По щекам покатались слёзы – не театральные, не для эффекта. Настоящие. Горячие. Живые. Она хрипела. Тело её выгибалось в немом протесте. А я смотрел – и наслаждался. Смотрел на генерала внутри – и ждал его крика. Его мольбы. Его отчаяния. Ждал его слабости.

«Смотри, генерал. Ей осталось совсем немного. Сожму пальцы – и она упадёт. Мёртвой. Твоя жена. Твоя любовь. Твоя вина».

Старик выронил поднос. Хрусталь взорвался вдребезги. Вино растеклось по мрамору – алым, как кровь на песке Арузы.

– Господин! – задохнулся дворецкий. – За что вы так с госпожой?!

За что?

Хороший вопрос. Пусть твой генерал ответит. Пусть выдавит хоть слово из своей гордой пасти.

Молчит.

– За что ты так со мной? – прохрипела она. Слёзы катились по вискам – солёные, беспомощные. Она всё ещё верила, что это он. Что это её муж. Что это ошибка. Безумие. Временное помешательство.

Какая трогательная глупость.

“Ничего”, – подумал я. Пусть смотрит в глаза чудовищу. Пусть сходит с ума.

– Умоляй о пощаде, – прошелестел я ей на ухо. Голос мой был чужим – хриплым, низким, пропитанным тьмой. – Плачь. Кричи. Умоляй...

И тут случилось то, чего я не ждал.

Мое тело. Оно словно сошло с ума от желания. Тёплый сладкий толчок внизу живота.

Плоть – тёплая, живая, предательская – напряглась в штанах. Мои бёдра невольно подались вперёд.

Её тонкая шея, её жизнь в моих пальцах. Её последнее дыхание на моей коже. Её слёзы на моих побелевших костяшках.

И близость её тела, сводящая с ума.

Я выдохнул, чувствуя желание, древнее и грубое, как камень у алтаря. Её красота, даже в агонии – совершенная, ослепительная. О таких женщинах мечтают в темноте.

Мой взгляд скользнул по её приоткрытым губам... Клянусь... У меня сейчас была только одна единственная мысль – поцеловать их. И не просто поцеловать... С рычанием раздвинуть их, слыша, как сливается её стон и моё хриплое дыхание зверя.

Пульс участился, тело сковала невидимая мука желания... Может, это и есть то самое наслаждение от мести?

– Мне всё равно, – вдруг раздался смешок из глубины сознания. Голос генерала. Спокойный. Холодный. Равнодушный. – Убьёшь ты её или нет. Мне безразлично.

Я замер.

Я чувствовал, что внутри всё стянуло, словно кровь стынет в жилах.

Видел, как взгляд умирающей останавливается в одной точке.

Как растягивается время, продлевая последние секунды, когда видишь человека живым.

В голосе генерала был не вызов. Не отчаяние. Не попытка спасти её ложью.

– Что ты сказал? – произнёс я, обхватив пальцами прутья магической клетки.

– Мне все равно, убьёшь ты её или нет, – усмехнулся генерал.

Нет, это было равнодушие. Настоящее. Не показное. Не попытка изобразить его. Обычно, когда лгут губы, глаза не лгут. В глазах генерала была насмешливая пустота.

Ему действительно плевать на её жизнь.

Глава 9. Дракон

Я опомнился. Опынение местью прошло, уступая место растерянности. Мои пальцы сами разжались. Словно я уже не контролирую ни себя, ни чужое тело, ни магию, которая внезапно предательской искрой-нитью скользнула между моими пальцами.

Она рухнула на мрамор – беззвучно, как выпавший из руки цветок, задыхаясь, хватая ртом воздух, который я чуть не отнял навсегда.

Я смотрел на ее платье, на ее грудь, на ее руку, которой она впивалась в свою шею. На растрёпанные волосы.

“Как же мне нравится... Эта уязвимость... Эта растрёпанная красота... Даже слёзы в её глазах... Мне хочется склониться и попробовать их на вкус...”, – пронеслось в голове. Ужас в её глазах, тяжёлое глубокое дыхание, стоны, которые вырываются с каждым жадным вздохом.

“Беги, беги, глупая девочка, от меня... Собирай вещи и проваливай отсюда... Чем дальше, тем лучше... Считаю это моим подарком...”, – пронеслась в голове мысль.

Я зажмурился, словно пытаюсь отделаться от наваждения. Её духи, сладкая терпкая чайная роза рисовали её образ даже в темноте закрытых глаз.

Что со мной? Что происходит?

Я посмотрел на своё запястье, видя, как на коже проступают линии.

Золотые линии сплетались в причудливый узор.

Словно кто-то невидимый выжигал на мне клеймо. Я прихлопнул клеймо рукой, чувствуя, как от него идёт жар.

Она дёрнула рукой и посмотрела на своё запястье. Точно такой же узор проступил на её руке.

Старик-дворецкий бросился к ней, прижал к груди. Она лежала в его руках – живая, дрожащая, прекрасная. И даже сейчас, на полу, в слезах и унижении, она излучала что-то, от чего во мне всё сжималось от желания обладать этой женщиной.

Прямо сейчас... Здесь...

Я резко развернулся, чтобы не поддаться искушению.

Сорвал кольцо с пальца – золотое, с бриллиантом, символ пяти лет чужой лжи – и швырнул его на пол. Оно ударилось об пол, отпрыгнуло, а потом покатилося по мрамору, звеня, как насмешка.

Насмешка надо мной, над ней, над чужим браком.

Я открыл дверь и оказался в гостиной. Я знал этот дом. Знал, где её спальня. Знал, что она пьёт чай с лимоном по утрам. Знал, что она любит книги, где героиня сбегает от судьбы.

Гостиная. Кресло у камина.

Я плюхнулся в него, чувствуя, как внутри всё разваливается. Словно я сам разваливаюсь на части.

“Почему тебе всё равно? – спросил я генерала, глядя на пляшущее пламя. – Ты же писал ей те письма. «Твоя улыбка – мой рассвет». «Жду не дождусь, чтобы снова обнять тебя»...

Тишина.

Он молчал. И в этой тишине я понял страшное: месть потеряла вкус. Потому что убить жену – это не наказать генерала. Это просто убить женщину. Красивую. Невинную. Живую. Это неинтересно...

А он? Он сидит в своей клетке и смеётся. Потому что я ошибся. Потому что я думал, что держу его за сердце.

А у него... У него, возможно, никогда и не было сердца.

Или оно давно перестало биться – ещё до того, как я вошёл в это тело.

Я смотрел на огонь. И впервые за все эти месяцы пути к мести почувствовал не сладость.

Я чувствовал горькую пустоту в душе.

Но в теле... В теле было желание – тёмное, непонятное, опасное, жестокое – вернуться в холл. Подойти к ней, заставить встать и посмотреть ей в глаза. Услышать её голос. Вдохнуть запах чайной розы. Узнать движением пальцев, как она умеет стонать, узнать, чем пахнет ее кожа, какая она на вкус...

Я впервые за долгое время почувствовал не ярость.

А одиночество.

Огромное, бездонное, как небо над полем боя после того, как унесли тела.

Впервые за все время в теле генерала я не знал, что делать с этой чужой жизнью. Но единственное я знал точно. Назад дороги нет.

И от этой мысли мне стало страшно. Страшнее, чем от смерти Мерайи. Страшнее, чем от самой мести.

Потому что месть я понимал. Она была простой. Ты отнял у меня. Я отниму у тебя. Ты заставил меня страдать. И я заставлю тебя страдать.

А это... Это было что-то новое. Что-то опасное.

Что-то, что могло убить меня быстрее, чем я осознаю, что со мной.

Глава 10. Дракон

“Братик, там пришли военные... Чужие...”

Я помнил каждое слово. Как Мерайа обернулась, посмотрела на меня янтарными глазами, в которых застыли страх и предчувствие.

Как ее голос понизился до шёпота.

Она встала за спинку моего кресла, и в зеркале мы отразились вдвоём: два призрака древнего рода, два осколка пепла от костра, что некогда сжёг Империю.

Наши предки бежали с золотых улиц в пепелище унылой, как череда дней в заточении, Арузы, спасая то, что имперцы объявили запретным: дар, способный сбрасывать драконов с небес.

Я вспомнил, как сестрёнка сидела на моих коленях, и мы листали старинную книгу.

Ей было шесть. Мне – двадцать шесть. Её пальцы – тонкие, детские, с заусенцами от первых неумелых заклинаний – задерживались на гравюрах с драконами.

«Расскажи, почему мы бежали из Империи?» – шептала она, а я водил пальцем по строкам, чувствуя, как под кожей пульсирует древняя магия предков.

“Наши предки – единственные, кто мог сбрасывать драконов с небес. И однажды была война. Драконы пришли с севера и решили захватить власть. Мы сражались, скидывали этих тварей с небес. А потом... потом нас предали. Когда король заключил с драконами мир, выдав замуж свою дочь за одного из них. Они перестали быть врагами. И стали лучшими друзьями!” – с горечью рассказывал я.

Маленькая Мерайа вздыхала. Ей нравились драконы. И она это не скрывала.

«Нашим предкам тоже нравились драконы. Но только мёртвые, – усмехался я. – И после этого позорного мира мы, единственные защитники людей, вынуждены были бежать в Арузу... Где нет драконов! Зато есть специи, идиоты, снобы, неучи и много других прекрасных людей...».

Мерайа мечтала увидеть настоящего дракона. И увидела.

Она дрожала за моим креслом, когда в доме раздавались тяжёлые шаги генерала – дракона.

– Нам нужен Улис Гесперис! – прогремел голос снизу. – Нам сказали, что здесь живёт чародей! Где он?! Он нам нужен!

Мерайа вздрогнула. Её ладонь легла мне на плечо – лёгкая, нервная.

– Всё будет хорошо, – сказал я. И сам поверил в эти слова. Глупец.

Дверь распахнулась. На пороге стоял он. Генерал Альсар Халорн. В чёрном мундире, пропахшем дымом и чужой кровью.

За его спиной – тени в доспехах, лица скрыты под шлемами.

Он вошёл, не спрашивая разрешения, и в этом движении было всё: власть, презрение, уверенность в том, что этот дом уже его.

– Встал! – приказал дракон, глядя на меня.

Я усмехнулся. Мой взгляд скользнул по трости у подлокотника, по ноге, которую я не мог согнуть – там, где осколки магического кристалла вросли в плоть пять лет назад.

– Братик не может... У него в ноге осколки магии! – вырвалось у Мерайи. Её голос дрогнул от упрёка.

Генерал даже не повернул головы в её сторону.

– Тогда слушай сюда, Гесперис. Мне нужно двести зелий заживления. Одно слово возражений – и твоё поместье обратится в пепел. Вместе с тобой.

– Когда? – спокойно спросил я, глядя на дракона и на молчаливые в своей угрозе тени за его спиной.

“Вот дракон, сестра... Вот он... Такие они все... Огромные. Красивые. Слепые к чужой боли. Именно с такими драконами сражались наши предки... Согласись, что на картинках они намного лучше... Адохлые так вообще прекрасны!”, – пронеслось в голове тогда.

– Завтра в полдень! Мы стоим здесь рядом. Лагерем. – резко произнёс генерал, глядя на старинные часы. – Нам срочно нужны эти зелья. Скоро будет серьёзный бой.

В памяти промелькнули старинные картинки, как мои предки силой магии скидывали с небес драконов. Словно кто-то пролистал книгу перед глазами. Худощавый молодой колдун пьёт драконью кровь из кубка и с жёсткой и насмешливой улыбкой роняет огромного дракона вниз прямо посреди битвы.

От этого кровь в жилах потекла быстрее. Сердце стало биться чаще. Словно в ней зашептались предки. Те, которые помнили хруст драконьей чешуи о скалы.

– Я сделаю, – спокойно произнёс я, глядя на дракона, стоявшего передо мной. – Можете уходить.

– Нет, ты не просто сделаешь! – произнёс генерал.

Он улыбнулся. Не губами. Глазами. И в этот миг двое солдат схватили Мерайю. Её крик застрял в горле – короткий, сдавленный, как хруст ветки под сапогом.

Магия вспыхнула в моей ладони – синяя, ледяная, готовая обратить их в пепел.

– Одно движение – и твоя сестра будет мертва, – улыбнулся генерал.

– Если она умрёт, я ударю палец о палец только для того, чтобы уничтожить вас, – произнёс я.

– Но заметь, Гесперис, она пока жива... И её жизнь в моих руках. Так что давай ты сделаешь то, о чём мы договаривались, и мы разойдёмся с миром.

Тварь. Крылатый змей. Кулаки сами сжались. Ты не знаешь, с кем ты связался. Вряд ли ты помнишь про то, как мои предки швыряли вниз твоих. Он прав. Я задену сестру. Комната слишком маленькая...

– Это – наша гарантия того, что ты не отравишь и не добавишь ничего лишнего... Поэтому твоя сестричка пойдёт с нами. Принесёшь зелья – получишь её обратно, – холодно произнёс дракон.

Глава 11. Дракон

Он ушёл. Забрав с собой свет из комнаты. Забрав её дыхание, которое грело мое сердце много лет. Забрал ее руку, которая касалась моего плеча.

– Готовьте лабораторию! – приказал я, вставая, с трудом опираясь на трость. Осколки в ноге зашевелились, причиняя боль на каждом шагу.

Хочет зелья? Получит. Он мог бы просто попросить. Я так же, как и он, ненавижу Арузу. Я работал всю ночь. К утру я едва мог опираться на ногу.

Каждое движение отдавалось болью в ноге – осколки впились глубже, будто напоминая: ты калека.

Ты бессилен. Но я мешал травы, сепарировал лунную воду, вплетал в зелья нити собственной крови – ту самую древнюю, что помнила вкус драконьей плоти.

В одиннадцать двадцать три я поставил последнюю бутылочку в ящик.

Дальше память меня бросила в лагерь. Соседнее поместье было частично разрушено. Теперь там располагался временный штаб.

Вокруг него стояли шатры, горели костры и кучковались вояки.

Но я не жалел. Я не водил дружбу с соседями. Они нас тоже недолюбливали, припоминая наше имперское происхождение. А еще они должны были нам деньги. И не отдавали уже лет шесть.

– Я привёз всё, что вы просили, – сказал я, глядя, как маги перебирают бутылочки. Их пальцы скользили по стеклу – осторожно, профессионально, со знанием дела.

Мой взгляд упёрся в генерала. Он сидел за чужим столом, грелся у чужого камина, разглядывал карты местности под взглядами чужих предков на стенах. Его вертикальные зрачки устали на меня – без интереса. Без жалости. Как на муху у окна.

– Всё в порядке, господин генерал, – доложили маги. – Ровно двести. Без примесей. Мы проверили.

Я ждал. Сердце колотилось не от страха. От надежды. Глупой, детской надежды, что дверь откроется – и она войдёт. С растрёпанными волосами, с улыбкой, с жалобой: «Братик, они не давали мне поесть!»

Дверь открылась.

Её бросили мне под ноги.

Платье разорвано в клочья. На бедре – синяк, похожий на отпечаток сапога. На губах – спекшаяся кровь, будто она кусала их до конца. Волосы спутаны, в них – солома и сгустки крови вперемешку с грязью. Глаза закрыты. Веки – синие.

Моя трость упала. Я забыл о боли в ноге и тяжело опустился на колени. Пальцы коснулись её щеки – холодной, восковой.

Нет... Это не может быть моя Мерайа... Сейчас она напоминала куклу, оставленную кем-то, кому она больше не нужна. Тому, кто вытер об нее свои грязные мысли, а потом грязные сапоги.

Я прижал руку к пульсу... Пустил магию по ее телу...

Ей девятнадцать.

Было...

“Было...” – пронеслось в голове, когда я смотрел на мертвую, лежащую на ковре.

“Ее больше нет... Она умерла... Она мертва...” – голос в голове шептал это, а я не хотел верить. Ни внутреннему голосу, ни своим глазам, ни своей магии, которая вернулась с ответом.

Мертва.

Она мечтала стать чародейкой. Хотела выйти замуж за того юношу с глупыми и круглыми голубыми глазами, которого я называл “С ветром в голове”. «Он не сможет тебя защитить», –

с раздражением твердил я ей. А она смеялась: «Но у меня же еще остается братик... Братик меня защитит...».

Моя дрожащая рука коснулась ее щеки. На губах – спекшаяся кровь, словно она кусала губы от боли и ненависти.

Я не смог ее защитить.

– Ты обещал, генерал! – вырвалось у меня. Голос сорвался – не в крик. В хрип умирающего зверя.

Глава 12. Дракон

Генерал поднял глаза от карты. Взгляд спокойный, почти снисходительный. Словно ничего страшного не случилось.

– Я обещал вернуть. Не уточнял – живой или мёртвой. Мои солдаты... Они горячие. Особенно после битвы. А у меня были дела поважнее, чем следить за твоей сестрой. Не удивлюсь, если она сама стала с ними заигрывать...

Он отвернулся. Жестом руки приказал убрать нас отсюда.

И тогда в крови снова зашевелился шёпот предков. А вместе с ним по моим венам растеклась ненависть. Месть – это когда ты забираешь у человека то, что он любит больше жизни. А потом заставляешь его жить с этой пустотой. Каждый день. Каждую ночь. Пока память не станет пыткой.

Древняя кровь во мне превратилась в лаву.

Я вспомнил слова, которые шептали наши предки перед тем, как бросались под когти драконов, когда у них уже не было выбора: «Х'зárкул вейт, шад'мóргис – хал.

Зу́лум – рек, анимáтус – пал. Векс – нóктис, тьма́ лигату́р!».

Если переводить на понятный, то можно прочесть его так: «Время остановится. Тело – в жертву. Душа – в оружие. Слово – меч. Тьма в помощь!»

– Я ведь заставлю тебя страдать так же, – хрипло произнёс я, крепче обнимая мёртвую сестру.

– Ну и что ты мне сделаешь, Гесперис? – усмехнулся дракон, а на его лице столько снисхождения, что я готов был разорвать его на кусочки. – Ты даже сам до двери дойти не можешь...

Мои губы зашевелились. Звуки, которых не слышал мир тысячу лет. Магия, что не подчиняется законам жизни и смерти – только закону боли.

– Х'зárкул х'тарг вей, – прошептал я, прижимая ладонь к груди Мерайи. – Если перевести на твой язык, дракон, это означает «Время всё покажет». Х'зárкул вейт, шад'мóргис – хал. Зу́лум – рек, анимáтус – пал. Векс – нóктис, тьма́ лигату́р!

Боль пришла не сразу. Сначала – холод. Ледяной, как поцелуй смерти. Потом – огонь. Он пожирал меня изнутри, выжигая кости, плоть, память. Я чувствовал, как тело рассыпается в пепел – не быстро. Медленно. Каждый нерв кричал, каждая клетка цеплялась за жизнь. Но я не сопротивлялся. Я хотел этого.

Последнее, что я увидел – горсть пепла на затоптанном ковре. Моё тело. Её тело. Смешанные в единый прах.

А потом – тьма.

И новый вздох в новом теле.

Я открыл глаза – его глаза. Взглянул на руки – его руки. Почувствовал сердце – его сердце, бьющееся под моей волей. В уголке сознания, за решёткой магии и боли, шевельнулся он.

– Как ты там сказал, генерал? – произнёс я, глядя на его удивлённые и напуганные глаза. – Что я могу сделать? Я многое могу, генерал. Ты бы хотя бы сначала уточнил, с кем ты собрался воевать! Жаль, а твои предки вздрагивали от фамилии «Гесперис»!

Я чувствовал, как боль вырывается отчаянным, болезненным смехом.

– Наслаждайся! Я доведу эту войну до конца. Не поверишь, я не люблю Арузу так же, как и ты. Посмотрим, какой из меня полководец... Но для начала я найду тех, кто это сделал с моей сестрой. Знаешь, тёмная магия даёт некоторое осложнение на личность. Поэтому у меня очень специфические вкусы и очень тёмная и богатая фантазия!

Во времена моих предков этот ритуал длился минуты. Несколько последних минут их жизни хватало, чтобы сбить дракона с небес или сразиться с другим драконом.

Я изменил его. Усилил. Чтобы уничтожить своё тело, чтобы вселиться в тело генерала, вырвать осколок его личности из души дракона и занять его место. И дракон ничего не заметил. Он так и не понял, что у него сменился хозяин.

Я не собирался сбрасывать его в пропасть. Нет. Мой план был проще. Мне нужны были часы, месяцы, быть может, годы...

Чтобы генерал Альсар каждый день просыпался в собственном теле – и знал: это не его рука подписывает документы. Не его губы отдают приказ. Не его сердце бьётся чаще, когда враги объявляют капитуляцию.

Карты местности мне были не нужны. Я знал эту местность наизусть. Поэтому битва была короткой и закончилась полной победой Империи и капитуляцией Арузы.

Мне нужна была эта победа. Чтобы вернуться домой. К нему домой. К той, кому он писал нежные письма... И заставить его почувствовать мою боль.

Глава 13. Дракон

Дверь скрипнула.

Я не обернулся. Смотрел в огонь – в его пляшущие языки, в его обманчивое тепло, которое не согревало.

Но дракон, с которым я слился сознанием, чтобы вытеснить оттуда генерала, почувствовал её раньше, чем я услышал шаги. Кожа на затылке напряглась. Плечи – те самые, что несли доспехи сквозь пески Арузы – дрогнули. Опять этот запах. И мне придется им дышать... Снова... Чайная роза. Терпкая. Сладкая. Проклятая.

– Господин генерал, – произнёс доктор. Голос мягкий, как бархат на гробу. – Рад, что вы вернулись с победой.

С победой! Прекрасно! Я оказался не только магом, но и полководцем. Учись, генерал. Ты бы проиграл сражение. Ты не знал, что там есть ров. Он скрыт за деревьями. Или ты думаешь, что полетать над местностью, пошуршать старыми картами и послушать разведчиков достаточно, чтобы разведать её?

Я медленно повернул голову.

Она стояла за спиной старика – не прижавшись к нему, не прячась за его плечом. Прямо. Спина прямая, подбородок чуть приподнят. Глаза еще влажные от слёз.

Но она не выглядела сломленной.

На шее – красные полосы от моих пальцев. Не скрытые шарфом. Выставленные напоказ.

Так, так, так, мне должно быть стыдно. Сейчас буду стыдиться. Они же пришли сюда за моим стыдом? За моим раскаянием? За моим «прости меня, любовь моя»?

Она смотрела на меня с внимательностью сыщика. Следила за каждым моим движением. Как я держу кружку, как сижу. Словно пыталась найти что-то, что станет уликой против меня.

А она умница... Догадалась...

«Дорогая моя, война меняет людей!» – усмехнулся я. Да, я левша. Но всегда могу списать это на травму руки. Не думай, что ты хитрее меня.

«Она знает, что ты не он!» – пронеслось внутри.

– Конечно. Дессалина... – произнёс я. Имя далось с трудом – как глоток расплавленного стекла. Но я произнёс его правильно. Знал его. Знал её. Знал, что она пьёт чай с лимоном по утрам, что любит книги, где героиня сбегает от судьбы, что на левой лодыжке у неё родинка в форме полумесяца.

Она вздрогнула. Не от нежности.

Не думала, что генерал не выдержал пыток магией и рассказал о тебе всё? Я даже знаю имена слуг, имя этого доктора. И то, что у недавно погиб младший сын.

– Да. Было дело, – начал я, и голос предал меня. Сорвался. Не в рык. В хрип. В тот самый, что бывает у человека, который неделю не пил воды в пустыне. – Но вы сами понимаете. Я только вернулся с войны. Там... такое творилось. Крики. Кровь. Огонь. Иногда мне кажется, я до сих пор слышу этот грохот в ушах. Трудно перестроиться. Вернуться в мир, где чай пьют с мёдом, где огонь не убивает, а согревает...

Доктор кивнул. Устало. Сочувственно. Он поверил. Или просто сделал вид, чтобы успокоить её. Или чтобы не будоражить «больного».

Но она не кивнула. Она смотрела. Её взгляд скользнул по моим рукам – тем, что сжимали её горло минуты назад. По следу от обручального кольца, которого больше не было на моем пальце. По запястью, где золотая метка пульсировала под кожей, отвечая на её собственную.

«Она догадывается, – подумал я. – Она понимает, что я – не он!»

И впервые за месяцы пути сквозь тьму я почувствовал не месть. Страх.

Страх не перед ней. Перед собой. Перед тем, что я не хочу её убить.

– Надо было убить её тогда, – прошелестело во мне. – Сжать пальцы до конца.
Но я разжал руку.

И теперь она стоит передо мной – живая, дышащая, смотрящая, – и каждое её движение отзывается во мне не как триумф мстителя, а жаром в теле.

– Прости меня, Десси, – сказал я. И в этих двух словах – впервые с тех пор, как я вошёл в это тело, – прозвучала не ложь. Не игра. Искренность. – Я не хотел. Просто... грохот в ушах. Тени за спиной. Мне нужно время. Эта война... она забрала у меня слишком много.

Не потому что я раскаялся. А потому что я хотел, чтобы она поверила. Хотел, чтобы она подошла ближе. Чтобы её пальцы – те самые, что царапали мои запястья в агонии – коснулись моего лица. Для чего? Не знаю... Но дракон хотел этого больше всего на свете.

Слова доктора. Его фразы. Я повторял то, что обычно говорят в таких случаях, благо в лечении я мог дать ему фору.

Все-таки пять лет, проведенных в поместье почти безвылазно наедине с библиотекой и магией, дают о себе знать. Даже в целительство я успел сунуть свой нос.

Она молчала.

Но её глаза говорили: «Я знаю, что это не он! Я слышу тебя. Не его. Тебя. Кто ты?»

Глава 14. Дракон

“Она не побежит, – понял я вдруг. – Она не закричит: «Он не мой муж!». Её сочтут сумасшедшей. Запрут в психушке. Или заставят пить зелья, пока она не «исправится».

Парадокс сжал мне горло туже, чем я сжимал её шею минуты назад:

Её нужно устранить – она опасна. Она видит.

Но я хочу её оставить. Оставить...

“Себе!”, – прорычал дракон, а я никак не мог привыкнуть к тому, что у меня теперь двойная душа.

Доктор встал. Поправил сюртук. Бросил на меня последний взгляд – не осуждающий. Усталый. Как на пациента, с которым медицина устала бороться.

– Вот и славно, – произнёс доктор, вознамерившись уйти. – Больше не пугайте жену, господин генерал. Ей и так нелегко. Она очень переживала за вас... Отдохните, господин генерал. Завтра я зайду снова.

Он ушёл. Тихо. Сдержанно. Оставив нас наедине с огнём, тенями и тишиной, которая была громче любого крика.

Она не двинулась с места.

“Дессалина. Десси”, – пронеслось у меня в голове.

Я наблюдал за каждым ее движением. Теперь моя очередь играть с тобой, красавица.

Ее пальцы – тонкие, с синими венами под кожей – нервно теребили край платья. Не от страха. От мысли. Она думала. Взвешивала. Анализировала. Эта женщина оказалась куда умнее и проницательней, чем я думал.

Она повернулась к двери, встала. И тут я заметил, что ее шаг стал ускоряться. Она бежала от меня, но пыталась этого не показывать.

И в этот миг – когда её плечи напряглись, когда ее рука коснулась дверной ручки, я понял.

Я не могу её отпустить.

Она слишком опасна.

– Ну что, моя наблюдательная... жена, – прошептал я, как шепчут на ухо убийцы. Она вздрогнула. Я почувствовал это.

– Вижу, тебя провести оказалось непросто.

Я невольно приблизился к ее коже, вдыхая ее запах. Как зверь... Дракон сходил с ума.

Я не учел одной единственной вещи. Не генерал управляет драконом. Дракон управляет генералом. И сейчас дракон управляет мной. Ничего, я найду способ его сломать... Моя рука сама поднялась. Я чувствовал ненасытное дыхание.

– Ты знаешь, – мои пальцы скользили по ее плечу.

Сначала по ее коже. Потом по ткани платья, цепляя кружево.

– Я немного недооценил женскую наблюдательность....

Я склонился к ней, упиваясь ее запахом. Ее маленькое розовое ушко, спрятанное в завитках волос, словно жаждало моего шепота. И я скользнул по нему шепотом, дыханием. Вдохнул запах чайной розы – и внутри что-то оборвалось. Не сердце. То, что я считал собой.

– Думаешь, я не заметил, как ты смотришь, запоминаешь каждое мое движение... Ты очень наблюдательна...

Дракон моими руками обнял ее за талию, словно мечтая сделать ее ближе к себе, присвоить, забрать у мира.

Я потерял контроль.

Не полностью. Не сразу. Но достаточно, чтобы почувствовать: я больше не хозяин в этом теле. Дракон – не метафора. Не символ. Сущность, спящая под кожей генерала. И сейчас он просыпался. Не потому что я хотел мести. Потому что он хотел ее.

Она задержала дыхание. Не шелохнулась.

– И поэтому опасна... – прошептал я – и в этом шёпоте уже не было меня. Только он. Дракон. Голодный. Живой. Реальный.

Моё тело наклонилось ближе. Её шея – тонкая, с синяками от моих пальцев – оказалась у моих губ. Я почувствовал пульс под кожей. Быстрый. Испуганный.

И я понял ужасную правду: я пришёл сюда мстить. А теперь стал пленником странного чувства, которое отдается жаром внутри. Я никогда не сходил с ума от желания. А сейчас я чувствовал себя безумцем...

Мои губы коснулись её шеи.

Не поцелуй. Прикосновение. Эксперимент. Проверка границ.

Мягкое движение, мягкое прикосновение к теплу. Словно голодный вампир я украдкой коснулся языком ее кожи и тут же почувствовал ответную дрожь. Она отозвалась. Не разумом. Нет... Телом, которое тут же ответило мне.

Она помнит его прикосновения.

И её тело не различает, кто внутри.

Я отстранился. Руки разжались сами. Будто дракон решил отпустить добычу, чтобы поймать снова.

Десси обернулась. Взгляд – не испуганный. Острый. Пронзительный. Как у хищной птицы, которая видит мышь в траве.

– Кто ты? – спросила она тихо.

“Смелая девочка...”, – мысленно заметил я, видя, как напряглась ее челюсть. Как сжались ее руки.

Дракон во мне урчал. Он был доволен. Он получил то, чего хотел: её внимание. Её страх. Её тело, отозвавшееся на его прикосновение желанием.

Она смотрела на меня, а я пытался умиротворить дракона. Как предки это делали? Он мало того, что упрям, так у него всего две извилины! Убивать и владеть.

Я смотрел на ее грудь, которая вздымалась под корсетом, на следы, оставленные на ее шее моими пальцами. На место, где остался мой поцелуй.

Я впервые почувствовал себя лишним в этой коже.

И это пугало меня сильнее смерти Мерайи.

Потому что месть я контролировал.

А то, что происходило со мной сейчас, нет.

Глава 15

Там, где ещё минуту назад сжимались пальцы – беспощадные, готовые оборвать мою жизнь, – теперь оставляли свою печать его губы. Тёплые. Влажные. Кончик языка скользнул по пульсирующей жилке, словно пробуя меня на вкус.

И тело предало меня.

Не разум. Не гордость. Не память о том, как я задыхалась на полу, прижимая руку к шее. Тело, предательски, бесстыже, без моего разрешения, отозвалось на этот поцелуй.

Жар внизу живота вспыхнул мгновенно, как фитиль в порохе. Колени ослабли. Дыхание сперло в груди. Я почувствовала, как сердце зашлось под тканью платья от чего-то сладостно-тягучего, жаркого и первобытного, что не слушает голос разума.

«Что со мной не так? – пронзила мысль, острая, как осколок стекла. – Он чуть не убил меня. А я... Я хочу, чтобы он продолжил?»

Я резко обернулась, пытаюсь скрыть это предательское тепло между ног, дрожь в бёдрах и эту соблазнительную плавность в движениях, которая рождалась в тот момент, когда я чувствовала себя желанной.

Я смотрела в его глаза. Пульс колотился в висках от напряжения, похожего на то, что бывает перед грозой, когда воздух сгущается, волоски на руках встают дыбом, и ты знаешь – вот-вот ударит молния.

Но ты не бежишь. Ты ждёшь.

Ты просто не знаешь, куда она ударит.

– Кто ты? – прошептала я.

Он усмехнулся. У моего мужа улыбка начиналась с глаз – с той искорки, что зажигалась, когда он смотрел на меня. А эта улыбка начиналась с подбородка – дерзко, вызывающе, с тенью насмешки над моим страхом. А в глазах при этом был надменный и презрительный лёд.

– Видимо, – в голосе ядом скользнула издевательская нотка. – Видимо, генерал... Раз выиграл решающую битву... Почти без потерь...

Его голос опустился на полтона ниже, чем у Альсара. Грубее. С хрипотцой, будто он недавно кричал на поле боя. Или рыдал в темноте.

Он сделал шаг ближе. Не угрожающе. Естественно – как зверь, который знает: добыча уже в клетке, и нет смысла рычать. Его пальцы скользнули по моей ключице. Не касаясь. Почти. Я почувствовала тепло его кожи сквозь сантиметр воздуха – и мурашки побежали по спине.

– Ты не он, – сглотнула я, отстраняясь всем телом. Но ноги не двинулись. Стояли вросшие в пол.

– А хочешь, чтобы я был им? – издевательским соблазнительным голосом произнёс он и наклонился ко мне. Его дыхание коснулось моей щеки – тёплое, с привкусом вина и чего-то горького, как полынь. – Вот шрамы. Все на месте. Можешь пересчитать... Или потрогать.

Словно издеваясь надо мной, его пальцы легли на шрам над бровью – тот самый, что Альсар получил в тренировочном поединке.

Секунду он смотрел на меня как на добычу – с голодом, от которого перехватило дыхание. Потом взгляд стал ледяным. Холодным. Как в коридоре, когда он душил меня.

– Итак, – послышался тихий голос у двери.

Его рука легла на старинное дерево – и между пальцами мелькнула серебристая нить.

Магия. Тонкая, как паутина, но прочная, как сталь.

Она впилась в древесину – не разрушая, а запечатывая. Послышался звук, напоминающий треск дерева. А тонкие нити магии соединили дверной косяк, стену и саму дверь, не давая ее открыть.

Я знала. Чувствовала эту правду кожей, костями, каждой клеткой тела.

И оказалась права. И сейчас эта правда давила на грудь тяжелее, чем его пальцы на горле. Он убрал руку. Посмотрел на свои пальцы с ледяной усмешкой и крепко сжал кулак. Я хотела закричать. Позвать Норберта. Позвать на помощь.

Но не успела. Звук оборвался на полувывдохе.

Его ладонь зажала мне губы. Не больно. Твёрдо. Как делают с ребёнком, который вот-вот скажет лишнее.

Глава 16

Он толкнул меня – мягко, почти бережно – и моя спина коснулась двери. Холод дерева пронзил меня сквозь платье. А спереди – его тело. Жаркое. Напряжённое. Пахнущее дымом, ветром, сталью и травами.

– Дорогая моя, – прошептал он, и его губы почти коснулись моего уха. – Давай подумаем вместе. Я сумею провести любого, кто не знает генерала так... близко, как ты.

Его бедро прижалось к моему. И в этом жесте переплетались и желание, и угроза. Мое тело отозвалось. Жар внизу живота вспыхнул ярче, а я всеми силами попыталась это скрыть. Разве что дыхание сбилось. И щеки, предательские щеки немного покраснели. Я чувствовала, что краснею, но радовалась, что их прячет его рука.

– Ты в этом уже убедилась.

Он замолчал. Дал словам осесть. Дал мне почувствовать тяжесть его тела, тепло его дыхания, запах моих духов на его коже.

– А если ты будешь бегать и кричать: «Это не мой муж!» – закончишь дни в обители для душевнобольных. Хотя нет.

Его пальцы скользнули по моей щеке – почти нежно.

– Я тебя туда не отдам. Это было бы слишком... бесчеловечно... А вот отдельные покои с решетками на окнах и массивной дверью подойдут. Или скромная тайная комната, где благодаря магии никто не услышит твой крик.

Я смотрела на него. В его глазах не было безумия. Был расчёт. Холодный, точный, как у шахматиста, который уже просчитал десять ходов вперёд.

– Опыт бессердечно подсказывает, – даже усмешка его была чужой, дерзкой, – что даже если ты будешь сидеть молча, даже если будешь кричать и биться в дверь или даже вести себя как обычно, ты все равно сойдешь за сумасшедшую. Если это правильно обставить... Поверь мне, я это смогу сделать. А доктор Гревилл подтвердит, что женушка генерала слегка поехала чердаком на радостях встречи. Ты уже сама дала ему почву для размышления...

Он был прав.

Чертовски, гнусно, гадко прав.

Я вспомнила леди Морвоуз – ту, что смеялась надо мной на балах. Приятная дама. Наследница внушительного состояния, которая вышла замуж по любви. Поэтому она и отличалась от тех желчных, нервных и коварных женщин, чью судьбу определил расчет родителей.

Мы не были подругами. Но я часто искала ее глазами на балах и ужинах и радовалась, когда видела ее среди приглашенных.

Её увезли в закрытую лечебницу после того, как она увидела, что её любимый муж тайно, мягко говоря, целовал служанку. Никто не поверил её крикам. Все кивали с сочувствием: «Бедняжка. Нервы не выдержали».

– Так что от тебя зависит, что мы будем делать дальше... – чужое дыхание коснулось моих губ.

Не поцелуй. Предложение. Или угроза. Я не могла различить – и это пугало больше всего.

– У тебя есть выбор. – Его пальцы легли на мою шею – там, где еще пульсировали синяки от удушья.

Но сейчас прикосновение было мягким. Почти ласковым.

– Или ты играешь роль любящей супруги. Так, чтобы я поверил.

Он выделил это слово «поверил». И в нем прозвучало не требование. Вызов.

– Или... скромная обитель для душевнобольных. Или мы выходим отсюда как счастливая пара, помирившаяся после увещаний доктора. Или ты продолжаешь играть в правдоискательницу.

Глава 17

Его взгляд впился в мой. Не отпуская. Не моргал. Я видела в его зрачках отражение себя – маленькая, испуганная, с растрёпанными волосами. Но ещё я видела кое-что другое: искру. Ту самую, что загорелась, когда его губы коснулись моей шеи. И он тоже это видел. Знал. Использовал.

– Что выбираешь?

Я понимала: выбора нет. В этом доме хозяин – генерал. Моё слово против его слова – пыль на ветру.

Но внутри шевельнулось нечто новое. Решительность.

– Моргни разок, – прошептал он, и в его голосе прозвучала усталость. Не театральная. Настоящая. Будто он не хотел этого разговора больше, чем я. – Буду считать это «да» счастливому браку.

Я закрыла глаза. Моргнула. Медленно. Выразительно. Так, чтобы даже слепой понял: я сдаюсь. Но не полностью. Не навсегда. Только на сегодня. Только чтобы выжить. Только чтобы узнать правду и спасти моего мужа.

– Вот умница, – выдохнул он, отнимая руку от моих губ. – Вот молодец!

Он потрепал меня по щеке, словно я – ребенок.

– Приятно иметь дело с умным человеком, – сглотнул он.

– Кто ты? – прошептала я, глядя, как меняется его взгляд. – Где мой Альсар?

– Я не обязан тебе отчитываться.

На губах – тень улыбки. Не злой. Горькой.

– Ты... ты убил его, – в ужасе прошептала я, чувствуя, как кулаки сами сжимаются.

Несколько секунд он смотрел на меня так, словно решая. Сказать мне правду или нет. А может, он просто давал возможность подготовиться к страшной правде, от которой сердце начинало рваться от боли уже заранее.

– Не совсем. Твой генерал жив. Он всё видит.

Он наклонился ближе. Его губы снова почти коснулись моего уха. Горячий ветерок его дыхания прошипел до мурашек.

– Я его полностью контролирую. И да, я бы на твоём месте так сильно не переживал за него. Хочешь, открою секрет? Ему было совершенно плевать, когда я тебя душил. Знай это. И живи с этим.

– Ты лжешь, – сглотнула я, едва ли не взрываясь от негодования. – Ты просто лжешь. Чтобы сделать мне больнее. Я его знаю. Он никогда не станет смотреть спокойно на то, как меня убивают!

Значит, мой муж жив. Его сознание живо. Что ж... Это меня немного успокоило. И дало подсказку.

Да, мне хотелось уйти, сбежать, спрятаться, развестись. Я чувствовала угрозу, опасность в каждом его жесте, в каждом движении. Но слова доктора: «Ему сейчас как никогда нужны вы!» – заставили меня сглотнуть и передумать. Кто поможет Альсару, если не я?

Он снова коснулся двери, и магия втянулась в его пальцы.

– Дрянной у вас чай, – послышался фыркающий голос. – Такое чувство, словно пьешь сено, ошпаренное кипятком...

– А мне нравится, – произнесла я, пытаюсь успокоить мысли и обдумать все случившееся. Сейчас главное – спасти Альсара. А для этого мне нужна библиотека. Для начала понять бы, что происходит. Думаю, что в книгах по магии уже подобные случаи были. Главное, чтобы он продержался до моей помощи.

– А ты куда собралась?

Голос ударил мне в спину, когда я положила руку на ручку двери.

– Хотела в свою комнату. Прилечь...

– Нет, – произнес голос. Без права на пререкания. – Ты будешь сидеть здесь.

– Почему? – прошептала я, отпуская ручку.

– Потому что я так сказал.

Глава 18

– Сядь! – в голосе слышался приказ.

Я вздохнула – коротко, прерывисто, будто в груди застрял осколок стекла.

Каждый шаг к креслу отдавался болью в шее: пульсирующей, глухой, напоминающей о пальцах, что сжимали мое горло до предела.

Я опустилась в кресло, и бархат обивки, обычно такой мягкий, сейчас казался колючим – каждая ниточка впивалась в кожу спины, как иголки. Я замерла. Как зверь, загнанный в угол: мышцы напряжены, дыхание поверхностное, пальцы впились в подлокотники так, что костяшки побелели.

– Ты бы видела сейчас выражение своего лица, – послышалась усмешка. Тихая. Ядовитая.

Я не ответила. В горле стоял ком из горечи и унижения. Из того странного, дикого жара, что ещё не угас между ног после его поцелуя на шее.

«Предательница, – шепнула я себе. – Твоё тело помнит прикосновения чужого. И отвечает!»

– Не каждый день узнаешь, что какая-то тварь вселилась в тело мужа, – прошептала я. Голос дрогнул – не от страха. От ярости, которая плескалась в груди.

– Ах, тут ещё не известно, кто был большей тварью, – заметил он.

Он. Просто «он». Я не могла назвать его Альсаром. Не смела. Потому что имя – это память. А память – это боль. А боль сейчас была роскошью, которую я не могла себе позволить.

– С этого момента правила в доме устанавливаю я, – его голос опустился, стал плотным, как смола. – Правило первое. Ты всегда на виду. Всегда рядом. Всегда в поле зрения. Я тебе не доверяю. За нарушение этого правила последует наказание. Тебе не понравится.

Он со вздохом допил чай. Я смотрела на свою кружку – пар давно исчез, поверхность стала матовой, как глаза мертвеца. Я к своему даже не притронулась. Не потому что боялась яда. А потому что в горле стояла такая тошнота, что даже запах любимого чая вызывал спазм в желудке.

– Правило номер два. Я жуткий педант, – его пальцы постучали по подлокотнику – ровно, чётко, без единой паузы. – И меня очень нервирует, когда кто-то что-то неправильно складывает, ставит, делает... – Он замолчал, и взгляд его скользнул по моим коленям – крошечная складка на юбке, которую я не разгладила в спешке.

Его бровь дрогнула. Едва заметно. Но я увидела. И почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Я вздохнула, пытаюсь удержать себя на грани слёз. Слёзы – это слабость. А слабость – это смерть.

– Правило третье. Приближаться ко мне ты не имеешь права. Приближаться к тебе имею право только я.

Господи, сколько ещё этих правил? Я стиснула зубы так сильно, что в челюсти засвербело. На языке остался привкус крови – я прикусила губу, не заметив. Игрушка? Кукла? Нет. Хуже. Я – заложница. Не в замке. В собственном доме.

– Любая попытка бунта или непокорности будет строго наказываться. Как? Я еще не придумал. Но раз я не придумал, значит все обычные наказания кажутся мне слишком мягкими. Это должно тебя насторожить...

Как вообще все это случилось? Как? Как я могла попасть в такую ситуацию? Метка на запястье? Почему она вспыхнула только сейчас? Может, это Альсар пытается дать мне знак? Или... Я не знаю... Мне хочется верить, что я смогу его вызволить.

– Вся твоя жизнь с этого момента под моим контролем, – подытожил голос.

«Держись, милый...» – стиснула я зубы, глядя на красивый профиль мужа. – «Я обязательно что-нибудь придумаю...»

– А сейчас потренируемся на дворецком изображать счастливую семью, которая помирилась, – заметил Он с усмешкой, повернувшись в мою сторону.

Один взмах руки – и моё кресло скользнуло по паркету, будто невидимые нити потянули его к Нему. Дерево скрипнуло, и я вздрогнула – не от магии. От близости. От запаха: дым, сталь, и под ними полынь.

«Итак, что мы знаем? – я глубоко вдохнула, чувствуя, как воздух обжигает горло. Он обладает мощной магией! Он – не мой муж. И он опасен. А еще он жуткий педант!»

«Мне нужна библиотека. Срочно. И союзник... Кто может в это поверить...» – пронеслась в голове мысль, а я уцепилась за нее, как за соломинку.

– Норберт! Принеси ещё чай! – послышался Его голос.

Дверь приоткрылась. Я мгновенно изменила выражение лица: губы растянулись в улыбку – натянутую, хрупкую, как стекло перед трещиной. Глаза блеснули влагой. Я почувствовала, как мышцы лица напряглись от непривычной маски.

– Вы как? – спросил дворецкий, заглядывая внутрь. Он все еще с тревогой смотрел на меня, на мою фальшивую улыбку, а я умоляла его догадаться. Догадаться по напряжению, по слезам в глазах, по дрогнувшим уголкам губ. Догадаться, что не все в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.